

ДНИ ТУРБИНОЙ

Александр Ратнер написал сенсационную книгу, которая нужна очень немногим. Такое бывает. Когда-нибудь она будет нужна всем и станет, вероятно, классикой биографического жанра, причем качество самого текста — по-моему очень плотного и увлекательного, — тут совершенно ни при чем. Просто это книга важная, написанная о важном, но сейчас мало кто готов серьезно и трезво разбираться в феномене СССР, а Ника Турбина, кумир позднесоветской интеллигенции, имеет к нему прямое отношение. Заслуга Ратнера не только в том, что он проделал огромную исследовательскую работу, проинтервьюировал добрую сотню людей, знавших его героиню, любивших ее, пытавшихся ее спасти, — но в том, что он сумел рассмотреть историю последнего советского вундеркинда в контексте эпохи, которая эту девочку сначала вознесла, а потом убила.

Чтобы сразу снять серьезный вопрос: из этой книги явствует, что — выразимся осторожно — не все свои детские стихи Ника Турбина написала сама. Возможно, что помогли бабушка и мама, и Ратнер от этого факта не прячется. Добавлю, что справедливы мнения, высказанные уже после ее смерти, — о том, что стихи ее в большинстве своем были не слишком хороши, и напечатай такое взрослый человек — его бы скорее всего записали в графоманы, в лучшем случае в маргиналы вроде Ксении Некрасовой. Но это совершенно не принципиально, потому что встречал я серьезных художников, которые и о творчестве Нади Рушевой высказывались скептически: «Интересен ее возраст, а графика — так себе маэстризм», сказал мне крупный художник, у которого точно не было оснований для профессиональной ревности. И неважно, хороши ли были стихи Ники Турбиной: важно, что и в поведении, и в разговорах с бесконечными интервьюерами она была старше своего возраста, и слава чаще приносила ей депрессию, чем радость. Сложный, рано выросший — и притом бесконечно инфантильный — ребенок из сложного времени, порождение уникальной страны, феноменально умной, зрелой, культурной — и бесконечно нелепой, неумелой, инфантильной во всем, что касалось жизненной практики.

Ника Турбина погибла потому, что перестала быть кому-либо нужна, а вовсе не потому, что перестала писать стихи. Она могла бы делать это дальше — и лучше, — но столкнулась с двумя кризисами сразу, и погубило ее именно то, что они совпали. Первым кризисом был переходный возраст, вторым — переходный период. Надо было развиваться, пробовать новые техники, общаться с литературной средой — но эта среда перестала существовать. Выросшая Турбина интересовала всех только как пример бесповоротного и отчаянного падения — и так же, как раньше в ответ на общественный запрос она сочиняла стихи, теперь в ответ на этот запрос она демонстративно и откровенно гибла. Ей надо было вызывать у окружающих ощущение чуда, существовать без этого она уже не могла — и поскольку поэзия таким чудом быть перестала, о чем многие успели тогда написать, осталось чудо безоглядной и жестокой саморастраты. Это было зрелище непривлекательное, но зато Турбина с прежней наглядностью демонстрировала все стадии распада того самого социума, который недавно носил ее на руках.

Точно так же и книга эта рассказывает о крахе системы, которая породила вундеркиндов. Она вообще-то много чего породила, и об этом вспоминают куда охотнее, — дефициты, внешние агрессии, внутренние репрессии, большую ложь и государственное насилие на каждом шагу; но вундеркиндов она породила тоже. Она носила их на руках, потому что они демонстрировали главную особенность этой системы, выполнение центральной ее задачи — формирование нового человека. И этот новый человек в самом деле формировался — нигде в мире не было такого количества юных гениев на тысячу граждан: в лучшем случае это были замечательные юные актеры вроде Джекки Кугана. А в СССР это были художники, музыканты, мыслители, спортсмены — их растили в условиях фантастических нагрузок, которых они иногда не выдерживали, но при этом осеяли страстной государственной заботой. Свой вклад в этот культ малолетних гениев внес Горький, создатель всей советской идеологии с ее базовым тезисом насчет кардинальной переделки человеческой природы; его статья «Мальчик» — о девятилетнем Леониде Зорине, чья первая книжка стихов тогда только что вышла, — заложила основы этой государственной религии. Зорин оказался чуть не единственным вундеркиндом, чья судьба сложилась классически удачно: сейчас ему 93, он только что опубликовал новую пьесу

и работает над повестью. Остальные — Коля Дмитриев, Надя Рушева, Дато Крацашвили, — умерли, не успев закончить среднюю школу. Больше повезло спортсменам — им, что называется, было куда развиваться, существовали некие гарантии будущего; но сколько тут было покалеченных душ и тел! Ника Турбина была последним таким советским чудом, ею восторгались Евтушенко и Юлиан Семенов — шестидесятники, культивировавшие ту же мечту о новом человеке; но у девяностых была другая мечта, и Ника Турбина в нее совершенно не вписывалась — вне зависимости от того, хороши или плохи были ее стихи, сама она писала их или нет.

Вне зависимости от всего этого, дни Турбиной — так же, как «Дни Турбиных», — обозначили конец эпохи. А сама Ника Турбина прожила подлинную жизнь поэта — потому что задача поэта в том и состоит, чтобы на собственном примере показывать другим, что происходит.

И потому ей суждено литературное бессмертие, и у первой настоящей книги о ней будет долгая счастливая судьба. Несмотря на то, что при этой первой публикации ее пришлось в полтора раза сократить, и ждала она своего часа почти десять лет, странствуя по издательствам и получая бесконечные отказы. «Сейчас это никому не нужно», — говорили Ратнеру.

От читателя, который держит эту книгу в руках, зависит ответ на вопрос — нужно все это кому-нибудь или нет.

Дмитрий Быков

*Как обидно — чудным даром,
Божьим даром обладать,
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать.*

*И не только зря растратишь,
Жемчуг свиньям раздаря,
Но еще к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.*

Георгий Иванов

Часть I

«Но трудно мне дышать без слов...»

Глава 1.

«Я время ощущаю только ночью...»

Ника Турбина (Торбина) родилась в Ялте 17 декабря 1974 года, во вторник, в 17 часов 30 минут с весом 3 кг 400 г, с черными кудрями, раскосыми глазами и желтоватым от детской желтухи лицом. По этому поводу ее мама, Майя Анатольевна Никаноркина, в дальнейшем Майя, написала бабушке, Людмиле Владимировне Карповой, такую записку: «Если будет война с Китаем, то нас не убьют». Роды были по тем временам не очень тяжелые, хотя все лицо Майи от напряжения было красным в течение двух месяцев, словно на него надели маску из лопнувших сосудов.

Назвать девочку Никой предложила близкая подруга ее бабушки Нина Васильевна Тархова, врач-микробиолог Научно-исследовательского института курортологии имени М.И. Сеченова. Это имя сразу же понравилось близким новорожденной. А я, честно говоря, думал, что его выбрали, взяв первые четыре буквы фамилии дедушки — Никаноркин.

С рождения Ника была Торбиной. Впоследствии она стала Турбиной, для чего Майя поменяла в фамилии дочери одну букву: «Пусть это будет псевдоним Ники», — сказала она, словно предугадав, что дочь станет поэтом. Подробнее об этом рассказано дальше.

После родов оказалось, что у Ники дисплазия тазобедренных суставов¹, и она с двух месяцев почти до года пролежала в гипсе с разведенными ножками, которые были зафиксированы распорками. О том, что это случится, Майе дважды сни-

¹ Аномалия развития всех их элементов, в частности несформирование головок.

лось — сначала в роддоме, потом через неделю после возвращения домой. Когда пришло время снимать распорки, Майя очень боялась, что Ника будет хромать, переживала, плакала и, чтобы этого не видеть, уехала в Симферополь к своей знакомой. Доктор снял Никушино «обмундирование» и сказал: «У нее все отлично, она сможет прыгать с парашютом». Ника встала на ножки. Бабушка надела на нее колготки, бумазейное платье в клубничках, завязала бант, и в таком виде, нарядной, Ника встретила счастливую маму.

Ника жила с мамой, бабушкой и дедушкой на улице Садовой, 28, на последнем, четвертом этаже в стандартной трехкомнатной квартире № 12, с одной отдельной комнатой и двумя смежными¹. От входной двери шел узкий коридор, с левой стороны которого располагались полки, заставленные и заваленные книгами и журналами. Справа — отдельная комната, в которой жил дедушка Ники, Анатолий Игнатьевич Никаноркин. Коридор вел в гостиную с разноцветными стенами: напротив входа была красная стена, в начале которой высился массивный темно-коричневый старинный буфет. Далее располагалось прямоугольное зеркало, справа от него висела соломенная шляпа Ники. Над зеркалом, будто парили, пять иконок — три Николая Угодника и две Матери Божьей. Правее зеркала стояла огромная тахта, над которой висели картины, в том числе подлинники К. Богаевского и М. Волошина.

Напротив красной стены — синяя, возле которой стояли диван и круглый столик, над ними тоже висели картины. В третьей стене, частично красной, частично синей, было окно с цветами на подоконнике. В окне — горы, кипарисы, у окна — телевизор. Наконец, четвертая стена с дверью, ведущей в комнату Ники, по словам ее бабушки, была то черного, то желтого цвета. Возле нее рядом с дверью стояло кресло, над которым висела большая картина: ваза с букетом сирени.

Идея сделать стены разноцветными принадлежала Карповой. А вот комната Ники была одного цвета — зеленого, потому что у них оказалось много краски именно этого цвета. Вот что представляла собой эта комната. Вдоль всей левой стены шла не очень высокая полированная «стенка», на которой сто-

¹ Описываю по памяти то, что видел сам, а также по видеоматериалам, снятым телеоператором по моей просьбе в середине 2003 года.

яло множество керамических и металлических кувшинов, найденных при археологических раскопках. Два из них в разные годы были подарены мне. Чуть ниже, вдоль всей «стенки», шла ниша, уставленная книгами. Это была часть домашней библиотеки, другая находилась в комнате бабушки. По правую руку от входа в комнату Никуши стояло пианино, а далее, вдоль стены, располагались ее письменный стол, торшер вместо настольной лампы, кровать и платяной шкаф. Между пианино и письменным столом стоял стул, который можно было использовать как для музыкальных, так и для школьных занятий. Ну и, конечно, окно в торце комнаты, в которое Ника смотрела чаще и дольше, чем в школьные учебники. Это было не просто окно, а видимый только Никой выход к иным мирам. К этому вопросу мы еще не раз вернемся.

Близкий друг Ники Альберт Бурыкин¹ рассказал, что, по словам Майи, Ника была странным ребенком: очень рано, в год с чем-то, начала говорить, но как ребенок, потом, где-то в полтора года, замолчала и не говорила до трех лет. Родные думали, что у них растёт тупица, но Ника снова заговорила и сразу как взрослая. По свидетельству Карповой², Никуша в два с половиной года спросила: «Можно мне сказать слово “жопа”?» — «Конечно, можно, деточка». И она бегала из комнаты в комнату и кричала это слово. Ей нравилось его звучание.

В три года Никуша вместе с Майей поехала в Майкоп к Светлане³. Оттуда Майя позвонила и сказала, что Ника шепчет какие-то очень страшные слова, которые оказались первым ее стихотворением «Алая луна»:

Алая луна,
Алая луна.
Загляни ко мне
В темное окно.
Алая луна,
В комнате черно.
Черная стена,
Черные дома.
Черные углы.
Черная сама.

¹ Бурыкин А. В. (род. 1963), поэт, певец.

² Здесь и далее в книге автор приводит рассказы Карповой, услышанные им от нее.

³ Карпова С. В. (1946 — 2006), младшая сестра Людмилы Карповой.